

19 15 04 VII

Антон Павлович Чехов

19 15 44 VII

Корифей мировой литературы

Сорок лет прошло со дня смерти А. П. Чехова. И все ширится круг его читателей. Чехов стал любимым писателем не только в России, но и во всем цивилизованном мире. Это один из корифеев мировой литературы.

Говорить о Чехове и легко и трудно. Немножко вспоминается, как сам Антон Павлович добродушно высмеивал иных профессиональных критиков, высказывавших всегда всем известные истины. Прочтите хотя бы известный рассказ его «Хорошие люди».

Литература не знает такого непримиримого врага штампа и трафарета, каким был Чехов. Сам он всегда говорил новое, непохожее на то, что говорилось до него. И несмотря на то, что это новое было вместе с тем вечное, Чехов выражал его в своей особой форме, показывая его новую сторону. Он был величайшим врагом пошлости, в какие бы пыльные ризы она ни наряжалась. И никто не умеет так срывать эти ризы, как Чехов.

Мне кажется, что лучший способ понимания Чехова — чтение не столько критических статей о нем, сколько произведений самого Чехова. «Там же все написано». Эту фразу любил повторять сам Чехов на речевках в Художественном театре, когда его осылали вопросами о характере его пьес и персонажей.

Чехов так ясен, так прозрачен и так убедителен, что, читая его, хочется следовать им же самим предложенному методу. Когда-то он, прочитав «Серьезного времени», говорил, что если бы он был учителем словесности, он бы стал объектом дерзновения. А читал бы так: «Как хорошо, господа!». В этой парадоксальной фразе скрыто огромное зерно истины.

Творчество Чехова — светлое, радостное, иногда тяжелое, но непременно обновляющее, открывающее, — прежде всего несет читателю огромное наслаждение, как прекрасная музыка. Его произведения воспитывают, облагораживают нас, расширяют наш кругозор, учат нас основному — гуманности, свободе и независимости.

Чехов кажется простым до элементарности и легким для чтения. Но никто не знает, какой огромный труд, граничащий с подвигом, вложен в его творчество. Если говорить об этой стороне его жизни, то перед нами встает великий подвижник, тщательно, впрямую, срывающий от других свою внутреннюю работу, свой покой. Еще очень плохо осеяна его личная жизнь. Что знаем мы, например, о личности Чехова на Сахалине? Зачем оно понадобилось молодому, жизнерадостному писателю, мечтавшему всегда об увеселительных поездках, о путешествиях за границу, писателю, поднимавшемуся к звену славы и так дорожившему временем для своей творческой работы? Теперь этот вопрос уже поставлен, делаются серьезные попытки объяснения его. И перед нами вырастает огромная фигура замечательного труженика, гуманиста, гражданина.

Великие люди, подобные Чехову, с течением времени не только не забываются, но кажутся меньше, но вырастают в глазах следующих поколений. Чехов с его чарующим тонкостью и нежностью литературным дарованием принадлежит к плеяде наших национальных богатств. Им вдохновляются, на их подвиги учащаются новые жизни новые поколения.

К. ТРЕНЕВ.

Чехов и Художественный театр

На занавесе Московского Художественного театра две летящие чайки. Они плавно уносятся, когда раздвигается занавес. И эта эмблема тревожной птицы, летящей по просторам России, над аркадой заводи тихих озер, отвечает полному курсу юности, который звал МХАТ, обратившись к творчеству Чехова. Художественный театр, часто обращавшийся к мировой литературе, явился прежде всего с русской классической литературой. Это театр, раскрывающий мировоззрение и дух своего народа.

Творчество Чехова продолжает ту же линию, которую нетрудно увидеть в таких писателях последнего десятилетия, как Тургенев, Гончаров, Гаршин, Тютчев, Л. Толстой, Достоевский. Это линия глубокой мысли, линия правды и простоты. И эти простота и правда облечены в форму тонкой поэзии.

Чувствительное творчество Чехова не может не остановиться на особенностях его реализма. Его реализм содержит в себе острый наблюдательность художника, необыкновенно смелое и поэтическое ощущение природы, исключительное умение видеть детали.

Чехов показал жизнь современного ему русского общества как печальное, как меланхолическое. Чехов охватывает с тем миром, с которым нельзя примириться, в котором задохнулись и гибли «человеческие таланты». Равнодушие, несправедливость, жестокость, пошлость, духовность, пошлость, студенты, земские деятели — вот любимые персонажи Чехова. Любовь и о юмором в круг своих персонажей включает он чиновников, актеров, коридорных, лакеев, почтарей, швейцаров. Посторонней вернейшей прокладкой обитатели отстой и заложества. Особое место в его творчестве занимает изумительно им воссозданная природа. Будь то одинокий человек в комнате в степи, или равнодушный, грухой путь моря, или красивый, золотистый берег сибирского урюжью возвращенной реки — всюду Чехов связывает природу и человека в единое целое.

Пошлость была лютым врагом Чехова, и он боролся с ней всю жизнь. Андрей в «Трех сестрах» Чехова, «охваченный нежным чувством», сквозь слезы говорит своим сестрам: «Милые мои сестры, чудные мои сестры! Мама, сестра-моя, а в это время расширяется окно и выглядывает из него пошлость, выглядывает Наташа, его жена, и кричит: «Кто здесь разговаривает так громко?»

В высказываниях К. С. Станиславского, написанных в его книге «Моя жизнь в искусстве», и в письмах Вл. И. Немировича-Данченко к А. П. Чехову открывается сущность отношения Художественного театра к поэзии и бытообразованию Чехова.

Станиславский пишет: «Я не беру описывать спектакли чеховских пьес, так как это невозможно. Их прелесть в том, что не передается словами, а открыто под ними или в паузах, или во взглядах актеров, в звучании их внутреннего чувства».

Чехов не очерчивает, потому что, несмотря на общепонимание, которую он будто бы всегда изображает, он говорит все же, в своем окошечном, лукавом, тайном, и не случайном, не о частном, а о «Человеческом», о большой букве».

«Опишется те, кто вообще в пьесах Чехова старается играть, представлять. В его пьесах надо быть, т. е. жить, существовать, иди по глубоко заложенной внутренней главной душевной артерии».

Такое же мнение о драматургии Чехова и Вл. И. Немировича-Данченко. Они — создатели в Художественном театре особенно стили исполнения, особого подхода в театре к творчеству Чехова.

Сценические приемы передачи поэзии и глубины мысли чеховских произведений открыли оба основателя и режиссера Художественного театра впервые в постановке «Чайки» и «Дяди Ваня». Но особенно ярко это сказалось в обоих вариантах постановки «Трех сестер». Первый раз «Три сестры» были поставлены в 1901 г., а во второй раз — в 1940 г.

Немирович-Данченко доказал, что сценическое действие расширяется в зависимости от того, насколько крепко живет в актере понимание сценического образа. Верное поведение актеров тогда соответствует чеховским мыслям, чувствам и желаниям и тогда доходит до зрительного зала, если они живут как бы «вторым планом». Второй план, по его теории, есть основа происходящего с чеховскими людьми. По первому плану протекает ряд поступков, которые определяют сюжетом и текстом одновременно, по второму плану каждый, действуя, не произносит того, чем живет глубоко.

Спектакль 1940 г. являлся на сцене МХАТ'а по-новому. Новые исполнители, воспитанные Художественным театром на протяжении 15—20 лет, играли в этом плане и в «Актрисе Карининой» Л. Толстого, и в «Любови Яковлевны» О. Станиславского. Это не только величайшее восприятие указаний режиссера и были не «представительными», а живущими правдой своего актера, человеческого существа, поэтически образными в чеховской манере, образами, которые полны тонкости и аромата, выхваченными из самой жизни.

Система Художественного театра — система растущего, развивающегося искусства. Художественный театр в новых «Трех сестрах» сделал шаг вперед в своем искусстве, он стал глубже, тоньше, но вместе с тем и мужественнее и проще, к чему привела его революция и новая жизнь советской эпохи. Пьесы «Три сестры» особенно сильно поразили в области оформления с чертами натурализма, которые все же чувствовались в первом варианте.

В «Иванове» и в «Вишневом саду» Художественный театр добился того, что на сцене проходили живые люди, что зрительный зал не смотрел на происходящее на сцене, как на представление, а как на кусок жизни.

Вл. И. Немирович-Данченко еще в 1898 г. писал Чехову, присутствуя и работе над «Чайкой»: «Тебе надо показать так, как может показывать только литератор со вкусом, умеющий плясать изюбы твоих произведений и в то же время сам уметь играть режиссером. Твоим я считаю себя. Я заданье писать указывать на живые, по-моему, изображения жизни и человеческой души в произведениях «Иванов» и «Чайка». Последняя особенно захватывает меня, и я готов ответить тем угодил, что эти скрытые драмы и трагедии в каждой фигуре пьесы при умелой, но выходящей, чрезвычайно добросовестной постановке захватывают и зрительную залу».

Давно уже стало общепонятной истинной, что «Три сестры» и «Вишневый сад» пророчески заглядывают в будущее пражской революции, новой эпохи русской жизни. Драма «Три сестры» написана Чеховым в 1900 г. В первом акте Вершинин говорит: «Через двести—триста лет жизнь на земле будет невозможна! Прекрасной, изумительной. Человеку нужна такая жизнь, и если ее нет пока, то он должен предчувствовать ее, являть, мечтать, готовиться к ней; он должен для этого видеть и знать больше, чем видели и знали его дед и отец».

Художественный театр в ряде своих спектаклей показал замечательную галерею правдивых образов русских людей, образов, созданных Чеховым.

Вас. САХНОВСКИЙ.

Дорогой образ

Антон Павлович Чехова я знала, когда была маленькой девочкой. Наши семьи были очень дружны. Мой отец Владимир Александрович Гиларовский и Антон Павлович познакомились еще в то время, когда первый полковничил «Дядя Ваня», а второй был еще «Антон Чехов».

Оба работали в газете и журнале, оба были веселы, бойки, жизнерадостны. Доктор Антон Павлович пользовался большим авторитетом в нашей семье. Как это часто случается, восторженная деятельность человека для самых близких людей, для детей, для современников заслоняет настоящего облик и настоящее призвание человека. Так было и со мной. В раннем детстве Антон Павлович был для меня прежде всего доктор. Этим он резко отличался от всех друзей и товарищей моего отца, которые были или писателями, или актерами, или художниками. Чехов и сам придавал очень большое значение медицине. Он никогда не забывал, что он врач. Он лечил крестьян в Мезхинове, лечил в Ялте, лечил всех своих друзей, лечил впоследствии артистов Художественного театра.

Как весело работали они с моим отцом в «Будильнике»! Каждое воскресенье или Гиларовский или Чеховы на парок или они приходили к нам. Очереди нет этой парок была за тем, кто больше получил в субботу гонорара в редакции.

Потом Чехов купил Мезхиново. Там была школа, и доктор интересовался Антон Павлович и ял которой он шефствовал. Тогда это называлось «опекачеством».

Известность Антона Павловича, как писателя, росла. Одна за другой выходили его книги. Они все были у нас. Но мое первое признание Чехова, когда писатель застал себя доктором, была «Книжка о Капталее» рассказ про собаку в цирке, которая нашла во время представления своих прежних хозяев и ушла к ним. Антон Павлович подарил мне эту книжечку, и я ее дочитала до дна. Так правдива мне этот замечательный рассказ, тем более, что «эпизод с настоящей Капталеей был мне знаком».

Чехов начал ходить в школу, как драматург. Беседа была «Чайка» в Художественном театре. Все наши были на спектакле. Поставили «Дядю Ваню». На этот раз, несмотря на молодость, являл и меня. Помню все до мельчайших подробностей. Ясно помню и премьеру «Вишневый сад», последнюю при жизни Антона Павловича постановку его пьесы. Все запомнилось. Все знала, что его будет чувствовать.

Спектакль шел прекрасно. И восторженно было торжественно, Антон Павлович вышел и, прицурившись от неяркого света лампы, стоял бледный и слабый. Весной перед отъездом, — не помню в Ялту или за границу — Антон Павлович пришел к нам в последний раз.

Кто-то позвонил. Папа был дома и сказал мне: «Пойдем, Антон ждет на лестнице. Мы спустились на нижнюю площадку. На семейке о желавшей синюю, какие стояли на бульваре, сидел старший Антон Павлович с палкой в руке. Он поник и опустил. Он поднял на нас свои лучистые глаза, которые стали еще красивее».

Принес воды! — сказал отец. Я побежала наверх. Когда вернулась, Антон Павлович уже отключился и улыбался навстречу мне: «Не надо, Наташа, ничего! Этому добродушному, слабому, почти умирающему человеку все было «ничего».

Это слово он говорил очень часто. С ним связано мое представление об Антоне Павловиче. Это слово русское, может быть, непереводимое слово «ничего». Обедается, будет все по-чужому, все устроится — вот значение этого русского слова.

Это была наша последняя встреча. Н. ГИЛАРОВСКАЯ.

призыве нельзя не видеть отражения бойкой атмосферы, созданной народными массами, готовившими к решительным битвам за свою свободу и за свое счастье. Замечательный рассказ Чехова «Человек в футляре» воспроизводит в законченных чертах образ человека «как бы чего не вышло!», который в ясную погоду выходит в гапозах и который считает, что даже на велосипеде нельзя кататься, если на то нет циркулярного разрешения начальства.

Чехов показал воинственность, агрессивность подлой пошлости и грустности. Бедные, «человек в футляре», подчинились своему влиянию целый город. Но не уныние, не пессимизм рождает чеховские строки — наоборот, они пробуждают в человеке его достоинство, зовут к деятельности, к изменению строя жизни, к рождению Беликовых.

Чехов был правдив, бескомпромиссно правдив. В одном из самых замечательных своих рассказов — «Мужики» Чехов вскрыл глаза старой, дореволюционной деревни. Он показал ее расхождение, жестокость кулачества, темноту и нищету. Народники, во главе с Михайловским остались неподвижны чеховским «Мужиками», потому что они не нашли в них любимой им слащавой идеализации деревенских отношений. Но Чехов поведением своей сделал громадное положительное дело, которое именно вследствие правды своей подтверждало марксистскую оценку деревенской жизни. В старой деревне было плохо, потому что в ней все захватили богатые и сильные, в ней не было защиты от обид, от рабской неволи, от тяжелой, невыносимой нужды.

«Какая была бы прекрасная жизнь на этом свете, если бы не нужда, ужасная, безысходная нужда, от которой ни где не спрячешься» — восклицает Чехов. Все отрицательные явления деревенской жизни объяснимы и устраняемы, потому что крестьяне «люди, они страдают и плачут, как люди, и в жизни их нет ничего такого, чему нельзя было бы найти оправдания. Тяжелый труд, от которого по ночам болит все тело, жестокие, злым, скудные урожаи, теснота, а помощи нет

и неоткуда ждать ее. Те, которые богаче и сильнее их, помочь не могут, так как сами грубы, не честны, не трезвы и сами бранятся так же отвратительно. Самым мелкий чиновник или приказчик обходится с мужиками, как с бродягами, и даже старшина и первобытный старостам говорит «ты» и думает, что имеет на это право. Да и может ли быть какаинбудь помощь для добрый пример от людей, карьеристов, ладных, развратных, ленивых, которые наезжают в деревню только за тем, чтобы окоробить, обобрать!» Да, как бы учил Чехов, в жизни много плохого, злого, несправедливого, но, чтобы сделать жизнь прекрасной, нельзя только жаловаться, нельзя сидеть сложа руки, надо действовать.

«Палата № 6» — рассказ, который любил и ценял Ленин, — является настоящим гимном во славу деятельного добра. Доктор Андрей Ефимыч Рагин равнодушно относился к внешней жизни, он презирал страдания, нужду, он считал, что покой и довольство лежат внутри человека и путь к ним — только нравственное самосовершенствование. Но ту тупые и пошлые хозяева горона и больницы, которым Рагин мешал одной своей честностью и порядочностью, обильно его сумасшедшим и запертали в палату № 6, в палату для умалишенных. Старож изюб от его боли он закурил по-душки, в голове его среди хаоса нахлывавших мыслей мелькала мысль, что такую же боль годами испытывали другие больные палаты № 6, и он никогда и ничего не сделал, чтобы устранить их страдания. Рагин понял новую для него правду, что учение о равнодушии к угорьству мира, о неприязни к злу — не может иметь будущего, прогрессирует же от начала века до сегодня борьба, чуткость к боли, способность отвечать на раздражение».

В этом призыве к деятельности, к борьбе заключается высочайший гуманизм Чехова. Истинный гуманизм может быть только действительным, являющимся, не терпимым ко злу.

Настоящая человечность проявляется в свободе, творчестве, труде, культуре, в борьбе. В ряде рассказов («Бабье царство», «Случай из практики») Чехов показывает, как праздность, эксплуатация, владение фабриками и капиталами обедняет, обесчеловечивает жизнь. Забавная дочь фабриканта Ляликовой, к ней являлся врач из Москвы, и врач, осмотрев на деле здорового, но томлящегося, не являющего что делать с собой девушку, вдруг понял, что сказать ей: для него было ясно, что ей нужно поскорее оставить пять корпусов и миллион, если он у нее есть, оставить этого дьявола — и тогда она обретет и радость, и деятельность и будет чувствовать себя здоровой.

Чехов верил в оздоровление жизни и жалел его скорое наступления. «Хорошая будет жизнь лет через пять—десять» — говорит доктор Ляликовой, — и это мысль самого Чехова. Чехов верил в свою родину, в свой народ. Ярцев, один из положительных героев, родился в Москве и обожал ее. Он был убежден, что «Москва — замечательная город, а Россия — замечательная страна».

«Когда имеешь дело с какими-нибудь историческим источником, — говорит Ярцев, — и когда читаешь даже учебник русской истории, то кажется, что в России все необыкновенно талантливо, даровито и нетерпимо» и Ярцев, а вместе с ним и Чехов чувствуют, знают, что Россия стоит перед каким-то необыкновенным преобразованием, что стучится уже в жизнь новое поколение, которое сделает русскую жизнь справедливой и светлой. «Как богата, разнообразна русская жизнь. Ах, как богата! Знате, я в каждом дне все более убеждаюсь, что мы живем накануне величайшего торжества, и мне хочется бы дожить, самому участвовать. Хотите верить, хотите нет, но, по-моему, пораస్తает теперь замечательное поколение».

Чехов предвидял трудное в те годы существование через Сибирь на Сахалин. Он стоял в Краснорекке на берегу Енисея и думал: «На Енисее жизнь началась сном, а кончится уталью, какая нам и во сне не снится... какая полная, умная и смелая жизнь осветит со временем эти берега! Я завидовал Сибиряку, который как я читал, на Петербурга плывет на пароходе в Ледовитый океан, чтобы оттуда добраться в устье Енисея... Много у меня было разных мыслей».

Великий русский писатель

Незабываемое

(Из воспоминаний)

Сорок лет тому назад в Баденвейдере открыли свою некую жизнь Антон Павлович Чехов. Чехову, любимому России всей нежностью своего сердца, привлекло умереть вдали от родины.

Он умер в час ночи. На рассвете, огулашенная тяжестью утраты, я вышла на балкон, и дивная красота зари, восходящей над Шварцвальдом, оказалась мне чужой, холодной и неужелюбной.

Никому и в мысль не могло прийти, что Чехов мог быть похоронен не в русской, родной земле. Его нужно было везти домой. Предстояло много мучительных хлопот, а главное — нужно было постепенно привыкать к странной мысли, что самый дорогой человек ушел навсегда.

..И вот перрон московского вокзала. Тогда людей обуревает вагон с телом писателя, вернувшегося в Москву, теперь уже навсегда. Чехов любил Москву больше всех других городов мира. Любил какой-то особой, нежной, трогательной любовью. Куда бы его ни бросила судьба, он настойчиво и упорно являлся в Москву. Только здесь он был по-настоящему дома.

Книга по настоянию врачей в Ялте, которую он называл своей «степной Сибирью», как токсикал он о Москве, о зиме, о нашем театре...

Последнюю зиму своей жизни Антон Павлович провел в дорогом его городе. Мы мечтали тогда купить клочок земли с домом под Москвой и поселиться там. Жизнь Чехова была очень тяжелой. От дней ранней юности он бился годами в

беспрерывной нужде, подорвавшей его силы. Признание Антона Павловича завоевывал не только талантом, но и подвижническим трудом. Уже будучи очень известным человеком, он перенесла извечные нападки не понимающих его критиков и со страстным упорством отстаивал свое право русского писателя говорить правду об окружающей его действительности. О жидки, которая ему казалась только предрешен к тому светлему будущему, которое — как он твердо верил — было суждено России.

С глубоким волнением перечитываю и сейчас последний рассказ Чехова «Невеста», написанный им незадолго до смерти. В нем говорится о девушке, стремившейся уйти из тины пошлой, мешанины жизни маленького провинциального городка. Ее друг, чахоточный студент Сапша, говорит ей о том, какой должна быть и будет когда-то жизнь.

«От вашего города тогда мало-помалу не останется камня на камне, — все полетит вверх дном, все изменится, точно по волшебству. И будут тогда здесь поляны, фантастические дома, чудесные сады, фонтаны необыкновенные, замечательные люди... Но главное не это. Главное то, что толпы в нашем смысле, в каком она есть теперь, этого зла тогда не будет, потому что каждый человек будет веровать и каждый будет знать, для чего он живет».

Это голос самого писателя, полный глубокой веры. Как жаль, что Антон Павлович не дожид до этих дней!

О. КНИППЕР-ЧЕХОВА.

Великий русский писатель

Передовые идеалы всегда были господствующим началом русской культуры, они заложили русскую литературу несправедливо к неправде, к угнетению и осуждали ее, но выражению многих русских и иностранных исследователей, «совестью мира».

Эта основная господствующая особенность русской литературы отразилась и в творчестве Антона Павловича Чехова, соратника со дня смерти которого отмечает революция всех Советских Союз.

Чехов родился 17 января (по старому стилю) 1860 года в Таганроге. Он вышел из демократической среды, дед его был еще крепостным, отец — неудачливым медиком купцом.

Чехов учился на медицинском факультете Московского университета. В 1884 году он стал врачом; практиковал сначала в земстве, потом в Москве. Врачебная деятельность оказалась значительное и благотворное влияние на формирование Чехова-писателя. Она дала ему поле для обширных наблюдений, столкнула его с сотнями самых разнообразных людей и характеров.

Он начал свою литературную деятельность в 1880 году мелкими рассказами и заметками, печатавшимися в юмористических журналах «Стекло», «Будильник», «Зritel», «Осколки». Первоначально Чехов не подавал большого значения своей деятельности в художественном творчестве. Он все еще считал основной своей профессией профессию врача. Однако незаурядное дарование дало себя знать даже в литературных мелочах и «наблюдениях» Чехова. На него обратили внимание. Маститый писатель Д. Григорьев, человек сороковых годов, член кружка Белинского, современник Тургенева и Некрасова, писал ему: «У Вас настоящий талант, талант, выходящий Вас далеко на круга литераторов нового поколения... И сам Чехов начинает все серьезнее и серьезнее смотреть на свой талант писателя и отдается ему, наконец, целиком.

Чехов выработал в себе великое уважение к призванию писателя и к его дол-

гу перед народом. «Если я врач, — писал он в одном из своих писем, — то мне нужны большие и больницы; если я литератор, то мне нужно жить среди народа, а не на Малой Дмитровке... Нужен хоть кусочек общественной и политической жизни, хоть маленький кусочек, а эта жизнь в четырех стенах без природы, без людей, без отечества, без здоровья и ашнетита — это не жизнь, а какой-то... и больше ничего».

Регулярно появлявшиеся рассказы, повести и пьесы Чехова сделали его любимым писателем своего поколения. Либерально-буржуазная критика создала легенду о Чехове — неспе будто бы «мухрых людей». В этих отзывах столько же сирва-вельного, сколько было бы, например, справедливого в суждении, отожествляющем Демонтова с людьми, которых он бичевал беспощадными стихами «Дум». Чехов был критическим реалистом — не даром он любил Салтыкова-Щедрина и так часто вспоминал его имя — и он правдиво и честно осуждал недостатки, свойственные многим его современникам, в особенности сторонникам «малых дел» и бездельным существованием.

В повести «Рассказ неизвестного человека» Чехов с одинаковым осуждением выводит и чиновника-циника, оскетника, у которого за душой нет ни одной живой идеи, ни одного искреннего чувства, и обаятельного народника, отказывающегося от революционных заветов своих предшественников, возжаждавшего обыкновенного обывательского уюта. Сочувствие же Чехова целиком на стороне погубленной его персонажами женщины, которая говорит: «Смысл жизни только в одном — в борьбе. Наступит каблукую на ползучую змеиную голову и чтобы она — как! Вот в чем смысл. В этом одном или же вовсе нет смысла».

Чехов сам не был революционером. Но он был непримиримым врагом пошлого существования, терпимости к подлости и несправедливости. Он авал к активной, творческой, культурной и гражданственной боевой деятельности. — и в этом

В. КИРПОТИН.